

ДАНИЛ ДАВЫДОВ

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

№33 1998

Мое воображение занимает Евгения Ю. Продавец цветов, сомнительная личность, неизвестно откуда взявшаяся, периодически наблюдал очертания ее тела в окне, напротив лотка, а потом исчез. Евгения живет вместе с мужем и пишет стихи для детского журнала, потому что там платят деньги. Муж приносит каждый день цветы, раньше он покупал их у неприятного вида мужчины, как раз напротив дома, теперь же выбирает те, что подешевле, у метро. Евгения целыми днями сидит за столом у окна и думает непонятно о чем. Ей следовало бы сочинять бесконечные истории про утят и муравьишек, но в голову опять ничего не лезет. Иногда она встает, потягивается, и вновь садится на место. От нечего делать Евгения чертит на чистой бумаге геометрические фигуры, преимущественно - неправильные ромбы. В углу комнаты паутина, Евгения не замечает ее, когда же приходит муж, а он приходит довольно поздно, в комнате темно и паутина совершенно не заметна, супруги переходят в другую комнату и там ужинают, одновременно паук поедает мууху. Сегодня Евгения ложится спать пораньше, у нее болит голова. С детства, будучи необщительным и замкнутым существом, она предпочитала не то чтобы одиночество, но, скорее, покой, не исключающий чужого присутствия. Поэтому вскоре приходит муж и ложится рядом. Он устал за день и быстро засыпает. Проходит час, другой. Евгения принимает таблетку от головной боли, но таблетка, похоже, не помогает. Муж представляется ей нарисованным на постели. Евгения встает и идет в свою комнату, которая залита лунным светом, все предметы преображенны. Она замечает паутину, прикасается к ней осторожно, чтобы не порвать, ее охватывает чувство зыбкости и неуверенности. Голова больше не болит. Евгения садится за стол, берет какую-то книгу, пытается читать, но для этого темновато. Совсем не хочется включать искусственный свет. Она просиживает всю ночь, почти не шевелясь, всматриваясь в какие-то пересечения теней на стене. Ранним утром, примерно за полчаса до пробуждения мужа, Евгения выходит на улицу. Прохладно, она жалет, что оделась слишком легко. Напротив дома стоит лоток с гвоздиками, за ним - молодой мужчина неприятной внешности, с усами, в очках. Они смотрят друг на друга и ничего особенного не замечают. У Евгении появляется мимолетное желание купить пару гвоздик, но тут же она вспоминает, что не захватила из дома ни рубля, и проходит мимо лотка. Продавец думает о собственных проблемах, он может вот-вот лишиться точки и потерять заработок. Евгения, возвращаясь домой, мысленно удивляется собственной беспричинной прогулке, но ничего не говорит мужу. На следующий день цветочный лоток исчезает. Евгения Ю. пишет в течение недели два новых стихотворения, которые печатает детский журнал. Спустя много лет она понимает, что не может найти в своей жизни ничего достойного памяти, кроме одной ночи и одного утра. Я не исключаю, что подобные мысли посещают еще одного человека, но не могу указать его точное местонахождение.

17-18.11.96.

ЧАЕПИТИЕ

Решение моего дела все откладывалось и откладывалось, и я решил действовать непосредственно через суд. В то утро мне долго пришлось искать здание суда по указанному в справочнике адресу; уже почти отчаявшись, я наконец вышел к четырехэтажному дому, недавно, судя по всему, выкрашеному в бледно-желтый цвет. Я вошел в единственный подъезд и приготовился к пристрастному разговору с охраной; но вход никем не охранялся, даже вахты не было. Поднявшись по старой лестнице - предпоследняя ступенька

чуть шаталась - я оказался в полутемном коридоре, который вел, очевидно, в зал суда: дверь была приоткрыта, из щели смущенно падал луч искусственного света. Направившись в зал, я надеялся застать кого-нибудь из служителей, но и это помещение оказалось пустым, однако откуда-то раздавались приглушенные голоса. Прямо перед собой я обнаружил железную дверь, она была безнадежно заперта. Оглядевшись, я заметил еще одну дверь, в глубине зала, за судейскими креслами. Дверь была недавно покрашена олифой, замочную скважину на ней обнаружить не удалось, а ручка находилась несколько выше обычного месторасположения дверных ручек. Я постучал, но никто не ответил на мой стук, разговор за дверью продолжался как ни в чем не бывало. Тогда я открыл дверь без спроса и вошел в маленькую комнату с голыми стенами и плотно занавешенным окном. В центре комнаты стоял стол, окруженный пятью-шестью стульями. За столом сидели двое мужчин лет пятидесяти, похожие на сторожей, и пили чай. В углу, погрузившись в старое облезшее кресло, покрытое выцветшей синей тканью, сидел третий человек; он читал газету - "Московский комсомолец", кажется, - и поэтому лицо его было от меня скрыто. Сидевшие за столом ленивым жестом пригласили меня присоединиться к их чаепитию; один из них налил в эмалированную кружку кипяток из электрического самовара и передал мне, показав рукой на пакетики с заваркой и сахар, призыва к самостоятельным действиям. Я подчинился; мне показалось, что эти люди кого-то ожидают - быть может, судей. Они, похоже, сидели уже довольно долго и разговаривали как-то нехотя, не придавая значения собственным словам. Человек с газетой не принимал в разговоре участия, более того - он вообще не реагировал на происходящее в комнате. Один из собеседников, - тот, что предложил мне чаю, - говорил меньше другого, в основном однозначно отвечал на его реплики. Речь у них шла, насколько я понял, о каком-то общем знакомом, который повел себя не так, как от него ожидали; впрочем, так ничего определенного и не сказав на эту тему, они заговорили о политике. Разговор начинал приобретать уже совершенно отстраненный и не имеющий для обоих собеседников никакого интереса характер, паузы повисали все чаще. Прошло, наверное, часа полтора или даже больше; я уже начинал не в шутку беспокоиться. Собеседники, допив очередную порцию чая, встали и молча, друг за другом, вышли из комнаты. Человек с газетой был все также невозмутим; можно было бы подумать, что он умер, если бы изредка он не переворачивал газетные страницы. "Простите, - решился я обратиться к нему, потому что не мог больше ждать, - не знаете ли вы, как и кому я могу подать свою жалобу?" Он опустил газету на колени, улыбнулся. Муха, неуместно прожужжав, села на стол около моей кружки. "Жалоба не нужна: твое дело только что решено," - промолвил человек и вновь погрузился в чтение.

1997

ДОМА ОБИТАНИЯ

Светлане Богдановой

1.

Могу ли доверить вам свои дома, что наблюдал долгое время, следил за изменениями вывесок и указателей, знал о цветах, которые изредка решался перечислить, и перечислял, час за часом, весь день напролет, Царствие ему, дню, Небесное.

Вот первый из них, например, подстать младенцу, размером с собачью будку. Он снился мне вчера и будет сниться завтра, хотя я совершенно не помню его. Вот второй,